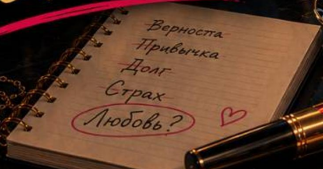
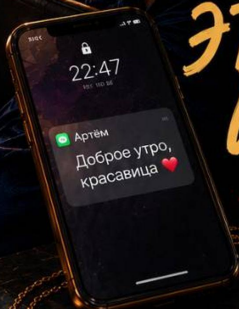

Мира Ле

ДЕВОЧКИ, ЭТО НЕ ИЗМЕНА?

18+

Мира Ле

Девочки, это не измена?

<https://litres.ru/74063089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девочки, я не собиралась изменять мужу.

Правда.

У нас с Павлом двенадцать лет брака, спокойная жизнь, работа, ужины, творог на средней полке холодильника и привычное «всё нормально».

Он хороший. Не пьёт, не гуляет, не обижает. Просто рядом с ним я давно перестала чувствовать себя женщиной.

А потом я надела тёмно-синее платье. Просто для себя. Честно.

И на совещании появился Артём Громов.

Женатый. Внимательный

Сначала он просто написал по работе. Потом мы начали переписываться. Потом был кофе. Потом фразы, которые нельзя показать мужу.

Я всё время говорила себе: ничего такого не происходит.

Но почему тогда я улыбаюсь его сообщениям? Почему жду его «доброе утро»? Почему прячу телефон экраном вниз, когда Павел входит на кухню?

Я знаю, у Артёма есть жена. Есть дочь. У меня есть муж.
Хороший муж.

Но рядом с чужим мужчиной я вдруг снова почувствовала себя
живой.

Девочки, это не измена?

Однотомник.

**ДОБАВЛЯЙТЕ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И НЕ
ЗАБЫВАЙТЕ НАГРАЖДАТЬ ЗВЁЗДОЧКАМИ!**

Содержание

Глава	5
Глава 1. Платье не для него	6
Глава 2. Доброе утро, Нина	25
Глава 3. Ничего такого	52
Глава 4. Кофе без криминала	83
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мира Ле

Девочки, это не измена?

Глава

Глава 1. Платье не для него

Я не собиралась изменять мужу.

Это важно уточнить сразу, потому что потом, когда всё покатилося, как тележка в супермаркете с кривым колесом, я сама уже не очень понимала, где именно надо было нажать на тормоз.

Наверное, не в тот день.

В тот день я просто надела тёмно-синее платье.

Не для него, конечно.

Во-первых, я тогда ещё не знала, что он вообще существует. Во-вторых, приличные замужние женщины не надевают платья для чужих мужчин. Они надевают их потому, что «давно висело», «надо иногда быть женщиной», «на работе совещание» и «ну не в джинсах же опять».

У меня были все четыре причины сразу.

Платье действительно давно висело в шкафу. Я купила его прошлой весной, когда у меня случился приступ оптимизма в торговом центре. Знаете этот опасный момент? Ты заходишь просто за колготками, а выходишь с платьем, в котором теоретически можно начать новую жизнь.

Новая жизнь, правда, не началась.

Платье провисело в шкафу почти год, укоризненно выглядывая из-за серого кардигана. Каждое утро я его видела и думала: «Потом». Потом был понедельник. Потом дождь. По-

том живот не тот. Потом настроение не то. Потом возраст не тот, хотя возраст, если честно, уже давно был тот самый, когда пора перестать ждать идеального живота и просто жить.

Мне было тридцать девять.

Не старость, конечно. В наше время в тридцать девять можно родить первого ребёнка, открыть кофейню, развестись, выйти замуж за инструктора по йоге, переехать в Грузию и писать посты о том, как ты наконец-то выбрала себя.

Я не сделала ничего из этого.

Я работала в отделе закупок, была замужем двенадцать лет и по четвергам покупала творог со скидкой, потому что Павел любил творог на завтрак.

Вот такой у меня был манифест свободы.

Утро началось как обычно: будильник, рука Павла на моей талии, тяжёлая и родная, как старый плед, и мысль: «Ещё пять минут». Эта мысль была единственным стабильным желанием в моей жизни.

Павел спал на спине, чуть приоткрыв рот. В молодости я считала это милым. Потом привыкла. Потом перестала замечать. А в последнее время почему-то снова начала замечать — но уже не как милую подробность, а как доказательство того, что рядом со мной лежит человек, которого я знаю слишком хорошо.

Слишком — странное слово для брака.

Вроде бы именно к этому всё и идёт: узнать человека, привыкнуть к его дыханию, к его шагам по коридору, к тому, как

он чихает два раза подряд и всегда говорит «ну всё» после второго. Но в какой-то момент близость превращается не в тепло, а в инвентаризацию.

Я знала, что Павел сначала почистит зубы, потом включит чайник, потом откроет холодильник и спросит:

— Нин, творог есть?

Хотя творог лежал на средней полке уже восемь лет подряд. Иногда мне казалось, что если я умру ночью, Павел утром всё равно спросит в сторону кухни:

— Нин, творог есть?

И только потом заметит, что я подозрительно молчу.

Я осторожно убрала его руку со своей талии и села на кровати.

За окном была серая мартовская Москва. Не романтическая, не снежная, не весенняя. Просто такая Москва, которая смотрит на тебя сквозь грязное стекло и говорит: «Ну что, опять?»

Я пошла в ванную, включила воду и посмотрела на себя в зеркало.

В целом ничего катастрофического.

Лицо было моё. Глаза серо-зелёные, если выспаться, и просто серые, если не выспаться. Волосы тёмно-русые, до плеч. У корней две седые нитки, которые я заметила на прошлой неделе и с тех пор видела даже в темноте.

Кожа нормальная. Не рекламная, конечно. Рекламная кожа бывает у женщин, которые пьют два литра воды в день и

не знают, что такое отдел закупок перед квартальным отчётом. У меня была кожа женщины, которая пьёт кофе, забывает пить воду, спит лицом в подушку и периодически обещает себе начать ходить на массаж.

Я умылась, нанесла крем и вдруг вспомнила про платье. Оно висело в шкафу.

Тёмно-синее, с мягким запахом магазина, который почему-то не выветрился до конца. Приталенное, но не вызывающее. Длина до колена. Рукава три четверти. Идеальное платье для женщины, которая хочет выглядеть хорошо, но чтобы никто не подумал, что она старалась.

Я достала его и приложила к себе.

— У тебя сегодня что-то важное? — спросил Павел из-за спины.

Я вздрогнула.

Он стоял в дверях спальни в старой футболке с логотипом какого-то форума инженеров. Футболка была настолько старая, что форум, наверное, уже распался, участники поссорились, сайт закрыли, а футболка продолжала жить с нами как член семьи.

— Совещание, — сказала я.

— С кем?

— С новыми поставщиками.

— А.

Он кивнул.

Я ждала ещё чего-нибудь. Не знаю чего. Может быть: «Те-

бе идёт». Или: «Красивое платье». Или хотя бы: «О, ты сегодня не в брюках».

Но Павел просто почесал щеку и сказал:

— Слушай, а творог есть?

Я посмотрела на него.

Иногда брак — это когда ты стоишь в красивом платье, а мужчина твоей жизни спрашивает про кисломолочный продукт.

— Есть, — ответила я. — Средняя полка.

— Спасибо.

Он ушёл на кухню.

Я закрыла шкаф и почему-то рассмеялась. Тихо, чтобы он не услышал. Не потому что было весело. Просто если бы я не рассмеялась, пришлось бы признать, что мне обидно. А обижаться на творог в тридцать девять лет — это уже совсем дурной тон.

На кухне Павел гремел ложкой. Я накрасилась чуть тщательнее обычного. Не сильно. Просто тон, тушь, помада.

Помада была нюдовая. Я купила её под обещание консультанта: «Она освежает». Консультантам в косметических магазинах после тридцати пяти веришь как врачам. Сказали освежает — значит, берём две.

Когда я вышла, Павел сидел за столом и ел свой творог.

— Я сегодня поздно, — сказал он.

— Угу.

— У нас совещание с подрядчиками. Потом, может, с Иго-

рем заедем посмотреть объект.

— Хорошо.

— Ты поужинаешь?

— Конечно.

— Там курица.

— Я помню.

Он поднял глаза от тарелки.

— Ты какая-то нарядная.

Вот. Всё-таки заметил.

Я даже успела немного размякнуть.

— Правда?

— Ну да. Серьги другие.

Серьги были те же самые, что и вчера.

— Другие, — сказала я.

Павел удовлетворённо кивнул, как человек, успешно прошедший семейный тест на внимательность.

Надо отдать ему должное: он не был плохим мужем.

Это очень осложняло дело.

Плохого мужа удобно не любить. Пьёт, кричит, изменяет, унижает — и ты страдаешь красиво, с понятными основаниями. Можно плакать подруге, собирать чемодан, писать в интернете «девочки, больше не могу», а тебе в ответ хором: «Беги».

С Павлом нельзя было бежать.

От него было некуда бежать, потому что он ничего страшного не делал. Он не кричал. Не пил. Не пропадал ноча-

ми. Зарплату приносил. Мамой моей интересовался. Машину мою зимой прогрел, хотя я сто раз говорила, что сама.

Он был хороший.

Просто рядом с ним я всё чаще чувствовала себя не женщиной, а хорошо налаженным бытовым процессом.

Жена 2.0. Стабильная версия. Ошибки исправлены. Страсть отключена для экономии батареи.

— Ты вечером не забудь оплатить интернет? — спросил Павел.

— Не забуду.

— А то опять отключат.

— Один раз отключили.

— Два.

— Один раз интернет, второй раз телевидение. Это разное.

— Для меня нет.

Мы оба улыбнулись. Маленькая такая улыбка, домашняя. Из тех, что не согревают, но подтверждают: мы всё ещё команда. Команда людей, которые вместе пережили ремонт, ковид, кредит на машину и выбор дивана.

Я доела бутерброд, взяла сумку и пошла обуваться.

— Нин, — сказал Павел.

Я обернулась.

Он смотрел на меня чуть внимательнее обычного.

— Ты правда хорошо выглядишь.

Я замерла с сапогом в руке.

Запоздалый комплимент — это как курьер, который привёз цветы через три дня после дня рождения. Вроде приятно, но ты уже успела пережить все стадии принятия.

— Спасибо, — сказала я.

И зачем-то добавила:

— Это платье старое.

— Я его не помню.

Конечно не помнишь, подумала я. Ты вообще многое не помнишь. Например, что я люблю сирень, а не розы. Что не ем кинзу. Что раньше смеялась громче. Что когда-то ты смотрел на меня так, будто я не часть интерьера.

Но вслух я сказала:

— Просто давно не надевала.

— Тебе идёт.

Поздно, Павел. Внутри меня уже обиделись на творог.

Хотя, если честно, никакой трагедии не было. В этом и заключалась проблема: трагедии не было, а усталость была. И с ней непонятно что делать. Нельзя же прийти к человеку и сказать: «ты хороший, но я рядом с тобой медленно превращаюсь в складную сушилку для белья».

Я поцеловала его в щёку.

Он пах мятной пастой и кофе. Родной запах. Надёжный. Абсолютно не опасный.

— До вечера, — сказала я.

— Давай. Не забудь интернет.

— Павел.

— Всё, молчу.

В лифте я посмотрела на себя в мутное зеркало. Платье действительно сидело хорошо. Талия была почти там, где обещали производители платья. Ноги — ничего. Лицо — живое.

Я даже улыбнулась себе.

Потом лифт дёрнулся на шестом этаже, зашла соседка Галина Петровна с йоркширским терьером, и моя женственность тут же получила порцию реальности.

— Ой, Ниночка, вы сегодня при параде, — сказала Галина Петровна.

Йорк посмотрел на меня с подозрением.

— Совещание, — снова сказала я.

Видимо, это был мой официальный ответ вселенной.

— А я думала, свидание, — хихикнула соседка.

— Какое свидание, Галина Петровна.

— А что? Сейчас всякое бывает.

Йорк фыркнул.

Я вышла из подъезда с ощущением, что даже собака знает обо мне что-то раньше меня.

На работе всё было как всегда: турникет, охранник с лицом человека, который видел слишком много опоздавших женщин, лифт, запах кофе из автомата и Марина из бухгалтерии, которая уже в девять утра выглядела так, будто ей лично должны все поставщики страны.

— О, Нина, платье! — сказала она.

— Совещание, — автоматически ответила я.

— Да поняли мы уже, — усмехнулась Марина. — У тебя такое лицо, будто ты перед судом присяжных оправдываешься.

Я села за свой стол и включила компьютер.

Отдел закупок — это место, где романтика умирает ещё на стадии согласования спецификации. Наша жизнь состояла из таблиц, сроков, актов, писем «прошу уточнить» и звонков людям, которые сначала срывали поставку, а потом говорили: «Ну вы же понимаете».

Я понимала всё.

Именно поэтому иногда хотела ничего не понимать.

К одиннадцати началось совещание.

Новые поставщики приехали втроём. Двое были обычные: костюмы, папки, лица «мы надёжные партнёры, пока вы не внесли предоплату». Третий вошёл последним.

Я тогда ещё не знала, что его зовут Артём Громов.

Просто отметила: высокий. Тёмные волосы. Синяя рубашка без галстука. Спокойный. Не суетится. Не улыбается всем подряд, как менеджеры, у которых в зубах план продаж.

Он сел напротив меня.

— Добрый день, — сказал он.

Голос был низкий, ровный.

Я кивнула и открыла папку.

Совещание шло скучно. Даже не скучно — професси-

онально. Мы обсуждали объёмы, сроки, условия оплаты. Один из их менеджеров пытался продать аванс, наш начальник Борис Михайлович делал вид, что у него аллергия на слово «аванс».

Я задавала вопросы.

Обычно мужчины на таких встречах отвечали не мне, а Борису Михайловичу. Даже если вопрос задавала я. Это не было специально. Просто у некоторых людей в голове женщина в отделе закупок — это приложение к папке. Симпатичное, полезное, но не принимающее решений.

Артём отвечал мне.

Смотрел на меня, когда говорил. Не поверх плеча. Не «сейчас я объясню вам, девочка». Просто мне.

— Вы правы, — сказал он после одного моего замечания. — В предыдущей версии договора этот риск действительно был не закрыт. Мы можем прописать дополнительное условие.

Я подняла глаза.

— Можем или пропишете?

Он чуть улыбнулся.

— Пропишем.

Ничего особенного.

Совершенно ничего.

Мужчина на совещании признал, что я права. Не поцеловал руку, не написал стихотворение, не увёз в закат. Просто сказал: «Вы правы».

Но иногда женщине, которую дома спрашивают про твою работу, этого хватает, чтобы внутренний прожектор вдруг включился и сказал: «А вот тут интересно».

Я сделала пометку в блокноте.

Почерк у меня стал хуже.

После совещания Борис Михайлович хлопнул папкой.

— Значит, до пятницы ждём правки. Нина, ты проконтролируй.

— Хорошо.

Все начали вставать, собирать ноутбуки, обмениваться визитками. Я складывала документы, когда Артём задержался рядом.

— Нина, верно?

— Да.

— Артём Громов.

Он протянул визитку.

Я взяла.

— Если будут вопросы по договору, пишите напрямую. Так быстрее.

— Хорошо.

— И спасибо за замечание по штрафам. У нас юристы любят делать вид, что мелкий шрифт никто не читает.

— Я читаю.

— Я заметил.

Вот опять.

«Я заметил».

Не «понял», не «учту», не «хорошо». А «заметил».

Слово маленькое, а эффект такой, будто кто-то открыл окно в комнате, где давно не проветривали.

Я посмотрела на него внимательнее. У него были тёмные глаза и небольшая складка у рта, как у человека, который часто усмехается, но редко смеётся громко.

— Тогда до связи, — сказала я.

— До связи.

Он ушёл.

Я осталась стоять с визиткой в руке.

Марина из бухгалтерии появилась сбоку, как налоговая проверка.

— Ничего так, — сказала она.

— Кто?

— Не делай вид, что ты не женщина. Тот, в синей рубашке.

— Марин.

— Что Марин? Я же не говорю, что надо с ним в Турцию.

Просто констатирую: ничего так.

— Он поставщик.

— А ты замужем. И что теперь, глаза сдавать в архив?

Я убрала визитку в папку.

— У меня работа.

— У всех работа. Но у некоторых ещё и жизнь бывает.

Она ушла, оставив после себя запах духов и раздражающую правду.

До конца дня я занималась таблицами, письмами, счетами и прочими вещами, которые обычно спасают женщину от мыслей. Но мысли всё равно возвращались к нему. Не то чтобы прямо к нему. Скорее к тому, как он сказал: «Я заметил».

Глупость.

Абсолютная.

Я знала это и всё равно несколько раз открывала папку, где лежала его визитка.

На визитке было написано:

Артём Громов

коммерческий директор

телефон

почта

Коммерческий директор. Серьёзно. Не поэт, не музыкант, не загадочный незнакомец с побережья. Мужчина, который продаёт промышленное оборудование.

Если бы кто-то сказал мне утром, что моё настроение улучшит коммерческий директор, я бы посоветовала этому человеку проверить щитовидку.

В шесть вечера Павел написал:

«Я задержусь. Поужинай без меня.»

Я ответила:

«Хорошо.»

Потом добавила:

«Не забудь поесть.»

Он прислал большой палец вверх.

Большой палец.

Двенадцать лет брака, и вот он — символ нашей стабильности. Не сердце, не «целую», не «скучаю». Палец. Вверх. Мол, информация принята, жена, действуй по инструкции.

Я сама себе сказала, что придираюсь.

Павел устал. У него работа. У всех работа. Нельзя требовать от мужчины фейерверков в мессенджере после двенадцати лет брака. Это инфантилизм, Нина. Люди живут, платят кредиты, покупают творог, иногда молча сидят рядом — и это тоже любовь.

Наверное.

Я задержалась на работе ещё на час. Потом поехала домой. В метро было душно, кто-то смотрел сериал без наушников, рядом женщина лет пятидесяти рассказывала по телефону:

— А я ему говорю: Коля, ты или мужик, или коврик в прихожей.

Я подумала, что у некоторых женщин формулировки приходят вовремя.

Дома было тихо. Я сняла платье, повесила его на спинку стула и надела домашние штаны. Те самые, в которых женщина перестаёт быть загадкой и становится человеком.

Разогрела курицу. Съела стоя у плиты, потому что одной за столом есть почему-то грустнее. Налила чай. Оплатила интернет. Павел прислал:

«Еду.»

Я ответила:

«Ок.»

Вот так мы и жили: он мне палец, я ему «ок». Современная семейная поэзия.

Телефон завибрировал, когда я мыла чашку.

Я подумала, что это Павел. Наверное, напишет «хлеба купить?» или «парковки нет». Я вытерла руки полотенцем и взяла телефон.

Незнакомый номер.

«Доброе утро, Нина. Это Артём Громов. Не слишком рано пишу?»

Я посмотрела на время.

Двадцать один сорок семь.

Потом снова на сообщение.

«Доброе утро».

Наверное, он ошибся. Наверное, хотел написать «добрый вечер». Или это была шутка. Или у коммерческих директоров промышленного оборудования свои часовые пояса.

Я должна была ответить что-нибудь сухое:

«Добрый вечер. Да, слушаю вас.»

Или:

«По рабочим вопросам лучше завтра в офисное время.»

Или вообще не отвечать, потому что приличные замужние женщины в двадцать один сорок семь не переписываются с чужими мужчинами, особенно если муж уже едет домой,

а на плите остывает курица.

Я набрала:

«Добрый вечер, Артём. Нет, не рано.»

Посмотрела.

Слишком тепло.

Стерла.

Набрала:

«Здравствуйте. Что-то срочное по договору?»

Слишком холодно.

Стерла.

Набрала:

«Доброе утро в десять вечера — это смело.»

И замерла.

Это было не по-рабочему.

Совсем.

Палец завис над кнопкой отправки.

В этот момент в замке повернулся ключ.

Павел.

Я вздрогнула так, будто меня застали не с телефоном, а с чемоданом наличных и фальшивым паспортом.

Дверь открылась.

— Я дома, — сказал Павел из прихожей. — Интернет оплатила?

— Да.

— Отлично.

Я быстро нажала «отправить».

Не знаю зачем.

Просто нажала.

Павел прошёл на кухню, поцеловал меня в висок и заглянул в кастрюлю.

— Курица осталась?

— Да.

Телефон в моей руке снова завибрировал.

Я не посмотрела сразу. Это было бы подозрительно. Хотя подозрительно для кого? Павел доставал тарелку и думал о курице. Но я уже чувствовала себя женщиной, у которой есть тайна.

Маленькая, смешная, почти невинная.

От этого было стыдно.

И приятно.

Павел сел за стол.

— Как совещание? — спросил он.

Я положила телефон экраном вниз.

— Нормально, — сказала я.

На экране, которого я не видела, ждало новое сообщение.

Я знала это кожей.

Павел ел курицу и рассказывал что-то про подрядчиков, бетон, сметы и Игоря, который опять всё перепутал. Я кивала в нужных местах. Улыбалась. Поддакивала. Была хорошей женой в домашнем освещении.

А внутри меня, в какой-то глупой и давно закрытой комнате, кто-то включил свет.

Я улыбнулась.

И почему-то сразу перевернула телефон экраном вниз.

Глава 2. Доброе утро, Нина

Я выдержала восемь минут.

Для женщины, у которой телефон лежит экраном вниз, а внутри уже марширует духовой оркестр тревоги, восемь минут — это почти монашеский подвиг.

Павел ел курицу, рассказывал про объект и Игоря, который «опять не согласовал узел». Я понятия не имела, что такое узел и почему его надо согласовывать, но кивала с лицом жены, которая поддерживает мужа в инженерном горе.

— Представляешь, — говорил Павел, — они заложили одну толщину, а по факту там вообще другая нагрузка.

— Ужас, — сказала я.

Не потому, что поняла. Просто слово «ужас» в браке универсальное. Его можно использовать почти на всё: от неправильно заложенной нагрузки до цены на сыр.

Телефон лежал рядом с моей чашкой.

Экраном вниз.

Маленький чёрный прямоугольник, который вдруг стал центром кухни.

Я старалась на него не смотреть. Это было сложно, потому что не смотреть на телефон, когда очень хочется посмотреть, — примерно как не смотреть на человека, который вошёл в комнату голым. Ты можешь делать вид, что тебя интересует

потолок, но все всё понимают.

Павел, правда, ничего не понимал. Он спокойно доедал курицу.

— Ты слушаешь? — спросил он.

— Конечно.

— Я говорю, Игорь завтра опять будет выкручиваться.

— Ну, Игорь такой.

Я не знала Игоря достаточно хорошо, чтобы делать о нём выводы, но в нашей семье Игорь давно получил статус человека, который выкручивается. Это было удобно: если Павлу надо было пожаловаться на работу, в разговоре появлялся Игорь. Если мне надо было показать участие, я говорила: «Ну, Игорь такой».

Семейная коммуникация — великая вещь. Можно годами говорить, почти не используя новые фразы.

Телефон снова коротко завибрировал.

Я взяла чашку слишком резко, чай плеснул на блюдец.

— Осторожно, — сказал Павел.

— Да. Рука дёрнулась.

— Устала?

— Немного.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Совещание тяжёлое было?

— Обычное.

Обычное.

Удивительно, как часто мы используем это слово, когда

внутри происходит что-то совершенно необъяснимое.

Павел встал, поставил тарелку в раковину и потянулся.

— Я в душ. Потом, наверное, сразу спать.

— Угу.

Он ушёл в ванную. Дверь закрылась. Вода зашумела.

Я схватила телефон с такой скоростью, будто он мог убежать.

На экране было два сообщения.

Первое:

«Смело — это писать женщине в тёмно-синем платье и делать вид, что вопрос только по договору.»

Я перечитала.

Потом ещё раз.

Потом зачем-то посмотрела на дверь ванной, хотя Павел не мог видеть сквозь стену. Надеюсь.

Второе сообщение пришло через минуту после первого:

«Простите. Это было слишком?»

Вот здесь нормальная женщина должна была ответить: «Да, слишком». Или вообще заблокировать номер. Или как минимум написать: «Артём, давайте придерживаться деловой коммуникации».

Я даже открыла клавиатуру.

Написала:

«Да, это было слишком.»

Посмотрела.

Слишком резко.

Стерла.

Написала:

«Немного.»

Слишком кокетливо.

Стерла.

Написала:

«Смотря для чего.»

И сама на себя посмотрела.

Нина, сказала я себе. Ты сейчас кто?

Женщина, которая оплачивает интернет и покупает твою-рог? Или героиня дешёвого сериала, которая переписывается с чужим мужчиной, пока родной муж моется в ванной?

Я удалила и это.

Вода в ванной шумела. Павел что-то напевал себе под нос. Он всегда напевал в душе одну и ту же мелодию, которую я за двенадцать лет так и не смогла опознать. Возможно, он тоже не мог.

Я набрала:

«Не слишком. Просто неожиданно.»

Отправила.

Сердце стукнуло так громко, что я почти услышала его в чашке.

Ответ пришёл быстро.

«Я обычно осторожнее. Но сегодня почему-то не получилось.»

Я смотрела на эти слова и чувствовала, как по лицу рас-

ползается улыбка. Глупая, подростковая, совершенно неприличная для женщины, которая недавно спорила с управляющей компанией по поводу перерасчёта отопления.

Я не ответила сразу.

Надо было выдержать паузу.

Так делают взрослые уверенные женщины. Они не бросаются к телефону, не отвечают через четыре секунды, не сидят с лицом «меня выбрали».

Я положила телефон на стол.

Прошло пятнадцать секунд.

Взяла обратно.

Нет, пауза — это для женщин с устойчивой самооценкой.

Я к ним в тот вечер не относилась.

«Будем считать, что это рабочее отклонение от протокола.»

Он ответил:

«Согласен. Зафиксируем в протоколе: тёмно-синее платье усложнило переговоры.»

Я тихо рассмеялась.

В ванной выключилась вода.

Я чуть не выронила телефон.

Срочно закрыла переписку, открыла приложение банка и сделала лицо женщины, которая проверяет коммунальные платежи. Почему-то мне показалось, что банковское приложение — алиби приличнее, чем пустой экран.

Павел вышел в полотенце, мокрый, распаренный, с воло-

сами, торчащими в разные стороны.

— Ты чего смеёшься? — спросил он.

— Да так. Марина мем прислала.

— А.

Он не попросил показать мем.

И вот это было странно. Не потому, что мне хотелось показывать ему вымышленный мем. Просто одна часть меня хотела, чтобы он спросил. Чтобы заметил. Чтобы насторожился. Чтобы сказал: «Нина, что происходит?»

А другая часть молилась, чтобы он ничего не спросил.

В браке вообще много таких противоположных желаний. Хочется, чтобы тебя читали как открытую книгу, но только не те страницы, где ты сама себе неприятна.

Павел пошёл в спальню. Я осталась на кухне, глядя на телефон.

Артём больше не писал.

Это было правильно.

Это было ужасно.

Я помыла чашку, протёрла стол, убрала курицу в контейнер, проверила, закрыто ли окно. Сделала всё, что делает женщина, когда пытается доказать себе, что у неё нормальная жизнь.

Потом всё равно открыла переписку.

Последнее сообщение было моё.

«Будем считать, что это рабочее отклонение от протокола.»

Я перечитала его и вдруг ощутила стыд. Не острый, не сильный, а такой маленький, как камушек в туфле. Вроде идти можно, но каждый шаг напоминает.

Я ведь ничего не сделала.

Просто ответила на сообщение.

Просто пошутила.

Просто улыбнулась.

Вот именно с этого «просто» всё обычно и начинается.

В спальне Павел уже лежал под одеялом и листал телефон.

— Ты идёшь? — спросил он.

— Сейчас.

Я поставила телефон на зарядку на своей тумбочке. Экраном вниз.

Легла рядом.

Павел повернулся ко мне, поцеловал в плечо.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Он выключил свет.

Комната стала тёмной, привычной. За окном гудела дорога. Соседи сверху двигали что-то тяжёлое, как будто каждую ночь репетировали переезд, который никак не случался.

Павел через пять минут заснул.

Я знала это по дыханию.

У меня же сна не было ни в одном глазу. Я лежала на спине и смотрела в темноту.

Там, на тумбочке, лежал телефон. В нём было сообщение

от мужчины, который сказал, что моё платье усложнило переговоры.

Какая ерунда.

Какая абсолютная ерунда.

И как же давно мне никто не говорил ерунду так, чтобы от неё хотелось улыбаться в темноте.

Утром я проснулась до будильника.

Сначала не поняла почему. Потом вспомнила.

Телефон.

Это было постыдно. Не драматически, а бытово. Как когда обещаешь себе с понедельника не есть сладкое, а во вторник обнаруживаешь себя у холодильника с ложкой и банкой сгущёнки.

Я протянула руку, но тут же одёрнула себя.

Нет.

Нина, держи лицо.

Ты взрослая женщина. У тебя муж спит рядом. У тебя работа. У тебя ипотека почти закрыта. У тебя в морозилке куриные котлеты. Ты не можешь начинать день с проверки, написал ли тебе чужой мужчина.

Я встала. Пошла в ванную. Почистила зубы. Умылась. Даже нанесла крем.

Потом вернулась и взяла телефон.

Сообщение было.

«Доброе утро. Сегодня уже действительно утро.»

Я села на край кровати.

Павел зашевелился.

— Который час? — пробормотал он.

— Семь.

— Угу.

Он снова закрыл глаза.

Я посмотрела на его спину, на знакомую родинку у лопатки, на складку одеяла. И почему-то почувствовала такую резкую нежность, что стало больно.

Павел был мой.

А сообщение было чужое.

И мне хотелось ответить чужому.

Я пошла на кухню, чтобы не делать этого в спальне. Как будто кухня была морально безопаснее.

Поставила чайник. Открыла холодильник. Достала творог.

Средняя полка.

Конечно.

Написала:

«Доброе. Теперь по протоколу всё верно.»

Артём ответил почти сразу:

«Значит, день начался правильно.»

Я положила телефон на стол и уставилась в чайник.

День начался неправильно.

Я это понимала.

Но внутри у меня всё равно что-то радостно подпрыгнуло, как девочка, которую позвали гулять.

Павел вышел на кухню, сонный, в той самой футболке.

— Творог достала?

Я посмотрела на него.

— Да.

— Спасибо.

Он сел за стол, взял ложку. Я налила кофе. Себе — чёрный. Ему — с молоком. Всё как всегда.

Параллельно телефон вибрировал у моей руки.

Раз.

Потом ещё раз.

Павел ел творог.

Я смотрела на его ложку и думала: неужели так и начинаются измены? Не с кружева, шампанского и тяжёлого дыхания, а с творога, ложки, вибрации телефона и женщины, которая делает вид, что ей неинтересно.

— Кто пишет с утра? — спросил Павел.

У меня внутри всё оборвалось.

— Марина.

Имя вылетело слишком быстро.

— Что случилось?

— Да ничего. По работе.

— В семь утра?

— Она ранняя.

Павел хмыкнул.

— Ужасные люди.

— Да.

Я сделала глоток кофе и обожгла язык.

Врать оказалось легче, чем я думала.

Вот что меня испугало сильнее всего.

Не то, что я соврала. Люди врут. «Я уже выхожу», «мне не обидно», «я не хочу десерт», «я слушаю». Маленькая бытовая ложь прошита в нас, как подкладка в пальто.

Меня испугало, что ложь не застряла.

Она прошла легко, гладко, без сопротивления.

Как будто внутри меня уже была подготовлена дорожка.

На работе я весь день была почти счастлива.

Почти — потому что счастье замужней женщины от переписки с чужим мужчиной имеет неприятный привкус. Как торт, который ешь ночью прямо из коробки: вкусно, но где-то рядом стоит совесть в халате и смотрит.

Артём писал нечасто. И это было хуже, чем если бы он писал постоянно. Он появлялся ровно в тот момент, когда я почти убеждала себя, что всё под контролем.

В 10:16:

«Ваши замечания по договору передал юристам. Они страдают.»

Я ответила:

«Пусть страдают качественно.»

Он:

«Вы жестокая женщина, Нина.»

Я:

«Только к юристам.»

Он:

«Запомню.»

Господи.

«Запомню.»

Сколько взрослой женщине нужно для падения? Иногда одно слово. Причём не «люблю», не «хочу», не «ты прекрасна». А «запомню».

Я сидела за компьютером и улыбалась так, что Марина из бухгалтерии остановилась у моего стола.

— Так, — сказала она.

— Что?

— Ничего. Просто лицо у тебя подозрительное.

— У меня обычное лицо.

— Нет. Обычное у тебя лицо, когда поставщик просит отсрочку платежа. А сейчас у тебя лицо женщины, которой написали «я скучаю», хотя написали, наверное, какую-нибудь ерунду.

Я закрыла мессенджер.

— Марина, иди работай.

— Уже страшно, значит.

— Ничего не страшно.

— Конечно.

Она наклонилась ближе и прошептала:

— Только не говори, что это тот поставщик в синей рубашке.

Я молчала ровно на секунду дольше, чем нужно.

Марина выпрямилась.

— О-о-о.

— Тихо.

— Я молчу.

— Ты не молчишь лицом.

— Лицо у меня самостоятельное.

Я закатила глаза.

— Ничего нет.

Марина сложила руки на груди.

— Нина, я замужем была семь лет. У меня «ничего нет» начиналось с того, что я начала брить ноги в ноябре не по медицинским показаниям.

— Марин!

— Что? Я опытная женщина. Вижу, когда начинается дурь.

— У меня совещание с ним было. Он пишет по договору.

— Конечно. Все великие романы начинаются с договора.

— Это не роман.

— Пока нет.

Я открыла таблицу и уставилась в неё так, будто от правильного заполнения ячеек зависела моя нравственность.

Марина ушла, но перед этим бросила:

— Только Оле расскажи. Пусть она тебя отшлёпает словами. У неё лучше получается.

Оля.

Я весь день думала, звонить ей или нет.

Оля была моей подругой с университета. Из тех людей, которые знают не только твою биографию, но и все её стыдные сноски. Она видела меня пьяной, влюблённой, с короткой стрижкой после неудачного решения «обновиться», с температурой, с истерикой, с заявлением «я никогда не выйду замуж» за год до свадьбы с Павлом.

Оля развелась три года назад.

Не трагично, а как она сама говорила, «сняла с себя мужской абонемент на обслуживание». Её бывший муж Вадик был человеком неплохим, но беспомощным. Из тех, кто мог стоять перед открытым шкафом и спрашивать, где лежат его носки, хотя носки лежали перед ним с видом уставших свидетелей.

После развода Оля стала резче, смешнее и опаснее для чужого самообмана.

Я знала: если расскажу ей про Артёма, она не будет гладить меня по голове.

Но именно поэтому и хотелось рассказать.

К вечеру Артём написал:

«Сегодня поймал себя на том, что жду ваших сообщений. Это уже нарушение деловой этики?»

Я сидела в метро, держалась за поручень и перечитывала.

Рядом мужчина смотрел видео про рыбалку без наушников. Напротив девочка лет семи ела булку и крошила на розовые колготки. Какая-то женщина листала маркетплейс с

лицом человека, выбирающего не платье, а смысл жизни.

Я написала:

«Скорее лёгкое дисциплинарное отклонение.»

Он:

«Готов понести наказание.»

Вот тут стало жарко.

Не физически. Хотя и физически тоже.

Я заблокировала экран и убрала телефон в сумку.

Через две станции достала.

Ответила:

«С юристами разберёмся, потом обсудим наказание.»

Отправила.

И сразу поняла: это уже не просто шутка.

Не катастрофа, конечно. Никто не умер, семьи не разрушились, небеса не разверзлись. Просто взрослая замужняя женщина в метро написала женатому мужчине фразу, которую нельзя было бы спокойно показать мужу.

Вот хороший критерий.

Если сообщение нельзя показать мужу, значит, оно не совсем невинное.

А если ты начинаешь придумывать, почему его всё-таки можно было бы объяснить, значит, оно уже совсем не невинное.

Дома Павла ещё не было. Он написал, что задерживается.

Я сняла сапоги, повесила пальто и сразу позвонила Оле.

Она ответила на пятом гудке.

— Если ты звонишь мне в будний вечер голосом виноватой школьницы, значит, либо купила дорогие сапоги, либо у тебя мужчина.

— У меня нет мужчины.

— Значит, сапоги. Поздравляю. Показывай.

— Оля.

— Ой. Интонация. Всё-таки мужчина.

Я прошла на кухню, включила чайник и села на табурет.

— Мне надо, чтобы ты мне вправила мозги.

На том конце стало тихо.

Потом Оля сказала:

— Нина, я сейчас сяду поудобнее. Такие фразы нельзя слушать стоя.

— Не начинай.

— Уже начала. Кто он?

— Никто.

— Отлично. Никто — самая опасная категория мужчин. У них всегда жена, травма детства и «мы просто общаемся».

— Оля.

— Ладно, говори.

И я рассказала.

Не всё, конечно.

Женщины никогда не рассказывают всё сразу. Мы сначала выкладываем безопасную версию, как на витрину: вот, смотрите, приличная история, почти ничего страшного. А самое опасное держим под прилавком.

Я рассказала про совещание, про тёмно-синее платье, про «я заметил», про вечернее сообщение, про утреннее «доброе утро».

Оля слушала молча.

Это было плохим знаком. Когда Оля молчала, значит, она собирала внутренний трибунал.

— Он женат? — спросила она наконец.

— Да.

— Дети?

— Дочь.

— Возраст?

— Сорок.

— Твой диагноз ясен.

— Оля.

— Что Оля? Женатый сорокалетний коммерческий директор с дочерью написал замужней женщине про платье. Нина, это не романтика. Это классика жанра «я не хотел, оно само».

— Ты его не знаешь.

— Конечно не знаю. Но я знаю жанр.

— Он не такой.

Оля вздохнула.

— Господи, как быстро.

— Что быстро?

— «Он не такой». Обычно эта фраза появляется на третьей неделе идиотизма, а ты управилась за сутки. Рекорд-

сменка.

Я обиделась.

— Я позвонила не за тем, чтобы ты меня оскорбляла.

— Я тебя не оскорбляю. Я провожу профилактику.

— Между нами ничего нет.

— Тогда почему ты звонишь мне с голосом женщины, которая уже мысленно выбрала бельё?

— Я не выбирала бельё!

— Пока.

— Оля!

Она рассмеялась.

— Ладно. Серьёзно. Что ты хочешь?

Я открыла рот и закрыла.

Вот в этом была проблема.

Я не знала, чего хочу.

Вернее, знала, но это желание было слишком некрасивым, если вытащить его на свет.

Я хотела, чтобы он писал.

Хотела, чтобы Павел ничего не заметил.

Хотела быть хорошей женой.

Хотела чувствовать то, что чувствовала, когда видела имя Артёма на экране.

Хотела, чтобы всё это как-то считалось не предательством, а маленькой компенсацией за годы, в которых меня никто не видел.

— Не знаю, — сказала я.

Оля помолчала.

— Нин, ты устала?

Вопрос был простой. Без сарказма.

От этого защипало глаза.

— Наверное.

— От Павла?

Я посмотрела на холодильник. На магнит из Сочи, который мы привезли семь лет назад. На записку «купить яйца», написанную Павлом печатными буквами. На контейнер с курицей.

— Не знаю. Не то чтобы от него. От всего. От одинаковости. От того, что я как будто стала частью квартиры.

Оля уже не шутила.

— А Павел?

— Что Павел?

— Он тебя любит?

Я задумалась.

— Наверное.

— А ты его?

Сложнее.

Раньше я бы ответила сразу. Конечно. Да. Люблю.

Теперь слово «люблю» встало где-то в горле, как слишком большой кусок хлеба.

— Он хороший, — сказала я.

— Это не ответ.

— Я знаю.

На линии было слышно, как Оля выдохнула.

— Слушай меня внимательно. То, что тебе хочется, чтобы на тебя посмотрели как на женщину, нормально. То, что в браке бывает пусто, тоже нормально. То, что чужой муж пишет тебе красивые фразы, — приятно, я понимаю. Но не путай приятное с настоящим.

— А если это настоящее?

Оля фыркнула.

— Через сутки переписки?

— Не сутки. Мы виделись.

— На совещании, Нина. На совещании люди ещё и с налоговой видятся, но это не судьба.

Я улыбнулась, хотя не хотела.

— Ты злая.

— Я полезная. Как йод. Щиплет, зато не даёт сгнить.

Телефон в моей руке завибрировал.

Я замерла.

— Он? — спросила Оля.

— Не знаю.

— Конечно знаешь. У тебя даже молчание сейчас нарасилось.

Я посмотрела.

Артём.

«Я, наверное, сегодня сказал лишнее. Не хочу поставить вас в неловкое положение.»

Я прочитала сообщение вслух.

Оля застонала.

— Ой, какой аккуратный. Прямо кружевная салфетка на мне.

— Что?

— Нин, он делает вид, что заботится о твоих границах, но на самом деле уже стоит у калитки и проверяет, не открыта ли.

— Ты всё упрощаешь.

— А ты всё усложняешь, потому что тебе хочется, чтобы это было красиво.

Я молчала.

Она попала.

Мне правда хотелось, чтобы это было красиво.

Не «женатый мужчина флиртует с замужней женщиной». Это звучало пошло, плоско, как сюжет передачи, которую смотришь у парикмахера, пока краска жжёт кожу головы.

А «мы встретились не вовремя».

«Мы случайно почувствовали близость».

«Он увидел во мне то, что давно никто не видел».

«Это не просто флирт».

Вот так звучало лучше.

Почти благородно.

Почти не стыдно.

— Что мне ответить? — спросила я.

— Ничего.

— Оль.

— Ты просила вправить мозги. Отвечаю: ничего. Положи телефон. Выпей чай. Посмотри на Павла. Поговори с ним. Купи себе цветы. Запишись к психологу. Но не корми эту штуку.

— Какую штуку?

— Ту, которая сейчас делает вид, что она бабочки, а на самом деле кредит под огромный процент.

Я усмехнулась.

— Ты сегодня в ударе.

— Я всегда в ударе, когда мои подруги собираются прыгнуть в компостную яму и называют её садом чувств.

— Грубо.

— Зато образно.

Мы помолчали.

Телефон снова завибрировал.

Артём:

«Хотя, если честно, я не жалею.»

Я закрыла глаза.

Оля на том конце сказала:

— Не отвечай.

— Я не отвечаю.

— Я слышу, как ты не отвечаешь.

— Откуда?

— У тебя дыхание стало глупое.

Я рассмеялась.

— Как дыхание может быть глупым?

— Вот так. Женщина с умным дыханием говорит: «Оля, спасибо, я всё поняла». Женщина с глупым дыханием уже мысленно пишет: «И я не жалею».

Я открыла чат.

Клавиатура сама появилась под пальцами.

Я написала:

«Я тоже.»

Смотрела на два слова.

Два маленьких слова. Никакого признания. Никакого преступления. Их можно было объяснить как угодно. «Я тоже не жалею, что мы начали обсуждать договор». «Я тоже не жалею, что вы написали по рабочему вопросу». «Я тоже не жалею, что сегодня вторник».

Ложь всегда начинает карьеру с широкого выбора трактовок.

— Нина, — сказала Оля.

— Что?

— Ты сейчас пишешь?

— Нет.

— Врёшь.

Я стерла сообщение.

— Уже нет.

— Умница.

Я отложила телефон на стол. Экраном вниз.

Чайник давно вскипел и выключился. Я сидела на кухне в пальто, потому что так и не сняла его до конца. В кварти-

ре было тихо. За окном мигали окна соседнего дома. В каждом кто-то жил, ужинал, ругался, смотрел сериалы, укладывал детей, ждал кого-то, не ждал никого.

— Оль, — сказала я. — А если я просто хочу почувствовать себя живой?

Оля ответила не сразу.

— Тогда надо искать жизнь, Нин. А не чужого мужа.

Я рассердилась.

Не на неё. На то, что она сказала правильно.

— Знаешь, — сказала я, — иногда ты ужасно бесишь.

— Это моя функция в твоей судьбе.

— Спасибо, судьба могла бы прислать кого-нибудь помягче.

— Мягче у тебя Павел. И что, помогает?

Я не нашлась, что ответить.

В замке повернулся ключ.

Павел вернулся.

— Всё, он пришёл, — сказала я.

— Нин.

— Что?

— Не делай глупостей сегодня.

— Сегодня?

— Начнём с малого.

Я сбросила звонок.

Павел вошёл на кухню, усталый, с пакетом в руке.

— Я хлеб купил, — сказал он.

— Зачем?

— Не знаю. Подумал, надо.

Он положил батон на стол. Потом посмотрел на меня.

— Ты чего в пальто сидишь?

— Замёрзла.

— Дома?

— Угу.

Он подошёл и потрогал батарею.

— Нормальная вроде.

— Это я ненормальная.

Павел усмехнулся.

— Это я давно знаю.

Он сказал это ласково. По-домашнему. Так, как говорят люди, которые уверены в своём праве шутить, потому что они свои.

И мне вдруг захотелось заплакать.

Потому что Павел был свой.

А я уже была не совсем.

Он достал из шкафа чашку.

— Чай будешь?

— Буду.

Он налил мне чай. Поставил передо мной. Даже сахар положил, хотя я уже два года пила без сахара. Раньше я бы раздражённо сказала: «Паш, я же без сахара». Сейчас не сказала.

Пусть будет с сахаром.

Он сел напротив.

— У тебя точно всё нормально?

Я посмотрела на него.

Вот оно.

Возможность.

Сказать: «Нет». Сказать: «Павел, мне плохо». Сказать: «Я чувствую, что мы куда-то исчезли». Сказать: «Мне написал мужчина, и меня это взволновало больше, чем должно». Сказать хоть что-то настоящее.

Но настоящие слова требуют смелости.

А у меня был только телефон на столе, экраном вниз, и чай с ненужным сахаром.

— Всё нормально, — сказала я.

Павел кивнул.

— Хорошо.

Он поверил.

Именно поэтому мне стало ещё хуже.

Позже, когда он ушёл в душ, я взяла телефон.

На экране висело последнее сообщение Артёма:

«Хотя, если честно, я не жалею.»

Я открыла чат.

Оля сказала не отвечать.

Здравый смысл сказал не отвечать.

Даже чай с сахаром, кажется, осуждал меня с края стола.

Я написала:

«Я тоже не жалею.»

Не отправила.

Посмотрела.

Стерла.

Написала:

«Давайте завтра вернёмся к договору.»

Стерла.

Слишком официально. Слишком трусливо. Слишком неправда.

Написала:

«Мне пора. Спокойной ночи.»

Почти хорошо.

Почти безопасно.

Отправила.

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Спокойной ночи, Нина. Хотя после этого дня она вряд ли будет спокойной.»

Я улыбнулась.

Потом положила телефон экраном вниз.

И впервые за много лет мне стало страшно не от того, что в моей жизни что-то рушится.

А от того, что в ней что-то начинается.

Глава 3. Ничего такого

У каждой женщины есть внутренний прокурор.

Мой проснулся на следующее утро раньше будильника, сел в голове за стол, надел очки и сказал:

«Ну что, гражданка Соколова, будем разбираться?»

Я открыла глаза.

Павел спал рядом, отвернувшись к стене. На тумбочке лежал мой телефон. Экраном вниз, конечно. За последние два дня он проводил больше времени лицом в стол, чем некоторые сотрудники нашего отдела в период отчётности.

Я смотрела на него и пыталась не шевелиться.

Сейчас, сказала я себе, ты встанешь, пойдёшь в ванную, умоешься, почистишь зубы, приготовишь кофе, и только потом посмотришь сообщения. Это будет взрослое, достойное поведение.

Через три секунды я взяла телефон.

Сообщение было.

«Доброе утро. Надеюсь, ночь всё-таки была спокойной.»

Вот что в этом такого?

Ничего.

Совершенно ничего.

Вежливый мужчина поинтересовался качеством моего сна. Пенсионерка из соседнего подъезда тоже иногда спрашивала: «Как спалось, Ниночка?» — и я же не считала, что

у нас с Галиной Петровной начинается роман.

Разница была только в том, что от Галины Петровны мне не хотелось улыбаться в подушку.

Я написала:

«Доброе. Ночь была обычной.»

И сразу поняла, что это звучит как приглашение спросить, что такое «обычная».

Артём спросил.

«Обычной — это хорошо или грустно?»

Я села в кровати.

Вот именно в этом и была проблема с Артёмом: он не спрашивал «как дела?» так, чтобы можно было ответить «нормально» и закрыть тему. Он всегда оставлял маленькую щель, в которую хотелось просунуть не просто ответ, а часть себя.

Я посмотрела на Павла.

Он спал.

Родной затылок. Родное плечо. Родная футболка, в которой он спал зимой и летом, потому что «мне удобно». Даже дырочка у воротника была родная. Я сама три раза собиралась её зашить и три раза забывала.

Я должна была положить телефон.

Вместо этого написала:

«Обычной — это когда всё вроде хорошо, но рассказывать нечего.»

Отправила.

И сразу испугалась.

Это уже было слишком честно.

Можно флиртовать про платье, шутить про протокол, отправлять «спокойной ночи». Но фраза «всё вроде хорошо, но рассказывать нечего» — это не флирт. Это трещина в стене.

Ответ пришёл не сразу.

Я успела сходить в ванную, почистить зубы, посмотреть на себя в зеркало и мысленно вынести себе приговор по статье «женщина, которая сама не знает, чего хочет, но уже всем мешает жить».

Когда я вернулась, телефон светился.

«Понимаю. У меня иногда такое ощущение, что жизнь стала списком дел. Всё правильно, всё выполнено. А радоваться нечему.»

Я перечитала.

Потом ещё раз.

И тут мой внутренний прокурор, к сожалению, на минуту вышел покурить.

Потому что вместо «осторожно, Нина» я подумала:

«Он понимает».

Две самые опасные слова для замужней женщины.

Муж может обеспечивать, чинить, встречать из аэропорта, покупать лекарства, прогревать машину и помнить, какой творог ты любишь. Но если другой мужчина вдруг «понимает», начинается такая химия, которую потом никаким здравым смыслом не отмыть.

— Нин? — пробормотал Павел.

Я вздрогнула и быстро заблокировала экран.

— Да?

— Который час?

— Семь десять.

— Чёрт.

Он сел, потер лицо ладонями.

— Я проспал.

— На десять минут.

— Для меня это проспал.

Павел вскочил и пошёл в ванную. Через секунду высунулся:

— Творог есть?

Я закрыла глаза.

Бог, если ты есть, дай мне сил не воспринимать кисломолочные продукты как символ распада брака.

— Есть, — сказала я. — Средняя полка.

— Спасибо!

Он скрылся.

Я посмотрела на телефон.

Артём больше не писал.

И это было к лучшему.

Конечно, к лучшему.

Чем меньше он пишет, тем проще мне держать дистанцию. Нормальные взрослые люди могут обмениваться несколькими сообщениями и не превратить это в катастрофу. У нас

рабочие отношения. Немного личных интонаций, да, но все живые люди. Я не робот. Он не робот. У роботов, наверное, тоже бывают симпатии. Где-нибудь в сервисном центре два пылесоса смотрят друг на друга у зарядной станции и думают: «Ничего такого».

Я рассмеялась.

— Ты чего? — спросил Павел из ванной с зубной щёткой во рту.

— Да так.

— Что?

— Вспомнила смешное.

Он что-то промычал и продолжил чистить зубы.

Смешное.

Вот так и создаются семейные тайны. Сначала у тебя появляется не любовник, а «смешное», которое нельзя объяснить.

На работу я опять оделась чуть лучше обычного.

Не платье. Нет, платье было бы слишком явно. Я же не идиотка.

Я надела чёрные брюки, белую рубашку и серьги, которые Павел вчера назвал другими. Серьги были всё те же, но теперь у них появилась репутация.

Пока я красилась, Павел зашёл в спальню за носками.

— У тебя сегодня снова совещание?

— Нет.

— А чего такая деловая?

— Паш, я вообще-то на работу хожу. Там желательно выглядеть не как человек, которого нашли под диваном.

— Я ничего не говорю.

— Ты сказал «чего такая деловая».

— Это не претензия.

— А что?

Он посмотрел на меня в зеркало и растерялся.

— Нин, ты чего?

Я тоже растерялась.

Потому что, если честно, он ничего плохого не сказал. Просто спросил. А я ответила так, будто он лично запретил мне быть красивой, конфисковал помаду и подписал приказ о переводе меня в категорию домашней мебели.

— Ничего, — сказала я уже мягче. — Не выпалась.

— Может, давление?

— Может.

Павел подошёл и положил ладонь мне на плечо.

— Таблетки есть?

И вот за это я его ненавидела в такие моменты особенно нежно.

Потому что он сразу хотел помочь.

Не понять, не поговорить, не спросить, что со мной происходит, а помочь тем способом, который был ему доступен. Давление? Таблетки. Холодно? Плед. Машина не заводится? Приеду. Жена грустная? Наверное, устала.

— Есть, — сказала я.

— Возьми с собой.

— Возьму.

Он поцеловал меня в макушку и пошёл искать носки.

А я осталась перед зеркалом с тушью в руке и чувством, будто меня одновременно пожалели и не заметили.

На улице было мокро.

Москва вступила в свою любимую фазу «не зима, не весна, а муниципальное отчаяние». Под ногами серый снег, сверху серое небо, вокруг люди с лицами «дожить бы до пятницы», хотя был только вторник.

В метро я открыла переписку.

Последнее сообщение Артёма:

«Понимаю. У меня иногда такое ощущение, что жизнь стала списком дел. Всё правильно, всё выполнено. А радоваться нечему.»

Я не ответила.

Очень собой гордилась.

Пять минут.

Потом написала:

«А чему вы радуетесь?»

Вопрос был почти философский. Не флирт. Люди имеют право обсуждать радость. Даже с коммерческими директорами. Даже если эти директора женаты. Даже если ты замужем. Вообще радость — общественное достояние.

Артём ответил, когда я уже поднималась по эскалатору.

«Сегодня? Вашему вопросу.»

Я остановилась на выходе из метро, и человек сзади врезался в меня плечом.

— Женщина, вы идёте или медитируете?

— Извините.

Я пошла.

Вот это и было унижительнее всего: взрослую женщину можно сбить с шага фразой из трёх слов. Не бриллиантом, не признанием, не серенадой под окнами. Просто: «Вашему вопросу».

В офис я пришла на десять минут раньше и сразу сделала вид, что очень занята.

Занятость — лучшая ширма для внутренней неприличности.

Я открыла таблицу, потом почту, потом договор с компанией Артёма. Прочитала один абзац пять раз и поняла, что не воспринимаю слова «штрафные санкции» всерьёз. А зря. Штрафные санкции, в отличие от чужих мужчин, хотя бы честно предупреждают о последствиях.

Марина появилась у моего стола в 9:17.

— Доброе утро, женщина с лицом «я ничего не делала».

— Марина, у тебя вообще своя работа есть?

— Есть, но чужая личная жизнь бодрит лучше кофе.

— У меня нет личной жизни.

— Вот именно это меня и беспокоит.

Она поставила на мой стол кружку.

— Я тебе кофе принесла. Без сахара. Вдруг у тебя сегодня

день моральных ограничений.

— Очень смешно.

— Мне да.

Я взяла кружку.

— Ничего не происходит.

Марина присела на край соседнего стола.

— Ты вчера это уже говорила?

— Что?

— «Ничего не происходит».

— Не помню.

— Плохо. Надо вести учёт. После пятого «ничего» обычно уже всё.

— Ты драматизируешь.

— А ты сияешь.

— Я не сияю.

— Нина, ты утром поздоровалась с принтером.

Я замерла.

— Он первый зажужжал.

Марина посмотрела на меня с таким сочувствием, будто я уже пропала.

— Это он? Синяя рубашка?

— У него имя есть.

— О!

— В смысле «о»?

— В смысле ты уже защищаешь его от обозначения по

одежде.

— Артём, — сказала я, сама не зная зачем.

Марина довольно кивнула.

— Конечно Артём. Такие никогда не бывают Виталиками.

— Марина.

— Что? Представь: «Виталик Громов написал мне доброе утро». Сразу половина страсти умерла.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ты ужасная.

— Я наблюдательная. И как наблюдательная женщина говорю: аккуратнее.

— Да знаю я.

— Не знаешь. Если бы знала, у тебя бы не было лица, как у школьницы, которую позвали в кино.

— Меня никто никуда не звал.

Марина подняла бровь.

— Пока?

Я отвернулась к компьютеру.

— Иди работать.

— Уже иду. Но если он позовёт на кофе, не говори «это просто кофе».

— А что говорить?

— Говори честно: «Это маленькая чашка потенциального геморроя».

Она ушла, оставив после себя кофе и пророчество.

В десять пришло письмо от Артёма.

Рабочее.

С копией его юриста, моего начальника и ещё каких-то людей, которые наверняка даже не подозревали, что участвуют в моей нравственной драме.

Тема письма: «Правки к договору».

Текст: сухой, вежливый, деловой.

«Нина, добрый день. Направляю обновлённую версию договора с учётом ваших замечаний. Буду признателен за обратную связь».

Буду признателен.

Нормальная фраза.

А у меня в голове почему-то прозвучало его вчерашнее: «Сегодня? Вашему вопросу».

Я ответила официально:

«Артём, добрый день. Спасибо, посмотрю и вернусь с комментариями».

Поставила точку.

Не смайлик.

Не «хорошего дня».

Точку.

Иногда нравственность держится на пунктуации.

Через минуту в мессенджере появилось личное сообщение:

«Вот видите, я умею быть официальным.»

Я посмотрела на экран и улыбнулась.

Потом вспомнила, что Марина где-то рядом, и сделала ли-

цо закупщика, который изучает договор с профессиональной строгостью.

«Умеете. Но недолго.»

«Вы меня раскусили.»

«По договору пока рано делать выводы.»

«А не по договору?»

Я убрала руки с клавиатуры.

Вот оно.

Маленький шаг.

Не огромный, не страшный. Просто фраза, после которой воздух меняется.

Я могла не отвечать.

Могла написать: «Вернёмся к рабочим вопросам».

Могла отправить Марине скриншот и сказать: «Смотри, человек переходит границы, я молодец, сейчас остановлю».

Вместо этого я сидела и думала, какой ответ будет достаточно лёгким, чтобы не считаться флиртом, и достаточно тёплым, чтобы он понял.

Унизительно тонкая работа.

Ювелирное производство самообмана.

Я написала:

«Не по договору выводы делать опаснее.»

Он ответил:

«Люблю опасные выводы.»

Я закрыла чат.

Слишком.

Это уже было слишком.

Я встала и пошла к кулеру, хотя пить не хотела. Налила воды. Выпила. Налила ещё. Рядом стоял Сергей из логистики и жаловался кому-то по телефону:

— Я им русским языком сказал: отгрузка в четверг. В четверг! Не в эпоху Возрождения!

Я чуть не рассмеялась.

Жизнь вокруг продолжалась в своей обычной нелепости. Люди спорили об отгрузках, согласовывали счета, ругались из-за принтера, заказывали обеды. Никто не знал, что у меня в телефоне происходит маленький пожар.

И, если честно, от этого было легче.

На обеде я написала Оле.

«Я держусь.»

Она ответила через минуту:

«Ты уже написала ему?»

«По работе.»

«Нина.»

«Правда по работе.»

«А потом?»

Я посмотрела на переписку с Артёмом.

«Немного не по работе.»

Оля прислала голосовое.

Я включила его в наушниках.

— Так, Соколова. «Немного не по работе» — это как «немного беременна». Ты сейчас в стадии, когда тебе кажет-

ся, что ты контролируешь процесс. Сообщаю: процесс уже заказал попкорн и смотрит, как ты падаешь.

Я фыркнула в салат.

Коллега напротив подняла глаза.

— Всё нормально?

— Да. Подруга.

— А.

Я написала Оле:

«Ты драматизируешь.»

Она:

«Ты повторяешься.»

Потом:

«Он уже звал тебя куда-нибудь?»

Я хотела написать «нет».

И в этот момент пришло сообщение от Артёма.

«Сегодня буду недалеко от вашего офиса около шести. Если вы не против, можем выпить кофе. По договору, конечно.»

Я смотрела на экран.

Вот так просто.

Кофе.

Слово, которым можно прикрыть почти всё.

Люди пьют кофе с коллегами, подругами, партнёрами, родственниками, бывшими одноклассниками. Кофе — социально одобренная жидкость. Нельзя же считать преступлением напиток объёмом двести миллилитров.

Я переслала сообщение Оле.

Она ответила сразу:

«Ага. Вот и чашка геморроя.»

Я:

«Это просто кофе.»

Оля:

«Я сейчас уроню телефон лицом в суп.»

«У тебя суп?»

«Не переводи тему.»

Я положила телефон и попыталась есть салат.

Салат был с курицей, помидорами и какой-то травой, которая обещала на упаковке здоровье, но на вкус напоминала наказание. Я ковыряла вилкой листья и думала о том, что ответить.

Пойти — плохо.

Не пойти — почему-то обидно.

И вот это «обидно» было самым неприятным. С какой стати мне обидно не встретиться с мужчиной, которого я знаю два дня? Почему внутри уже есть ожидание? Кто его туда пустил? Почему охрана моей психики спала?

Я написала Артёму:

«Сегодня не уверена. Много работы.»

Это было почти нет.

Он ответил:

«Понимаю. Тогда не буду отвлекать.»

И всё.

Никакого давления. Никаких «ну пожалуйста». Никаких «я так хотел вас увидеть».

Просто «понимаю».

И мне стало досадно.

Вот же гадство.

Когда мужчина давит — плохо. Когда не давит — ещё хуже, потому что теперь ты сама хочешь сделать шаг, а виноватой становишься уже без его помощи.

Я отправила Оле:

«Он нормально отреагировал.»

Она:

«Не радуйся. Это тоже приём.»

«Может, он просто нормальный человек?»

«Нормальный женатый человек не зовёт замужнюю женщину на кофе с интонацией по договору, конечно.»

Я не ответила.

До конца рабочего дня я почти ничего не сделала.

То есть технически делала: открывала документы, писала письма, ставила задачи, даже поговорила с юристом. Но всё это происходило на автопилоте, как будто моя нормальная Нина вышла на смену, пока ненормальная Нина сидела внутри и ждала, что будет дальше.

В пять тридцать Павел написал:

«Сегодня опять задержусь. У них там аврал.»

Я посмотрела на сообщение.

Аврал.

Как удобно.

Я почувствовала облегчение. Потом сразу вину за облегчение.

Ответила:

«Поняла.»

Он:

«Ты поужинаешь?»

Я:

«Да.»

Он прислал:

«Не забудь.»

Не забудь поужинать.

Павел заботился обо мне так, будто я могла случайно забыть базовые функции организма. И в этом было что-то трогательное. И раздражающее. И очень наше.

Я открыла чат с Артёмом.

Его последнее:

«Понимаю. Тогда не буду отвлекать.»

Я должна была оставить всё как есть.

Рабочий день закончился бы. Я поехала бы домой. Разогрела бы ужин. Позвонила бы маме. Посмотрела бы сериал. Павел пришёл бы поздно. Мы бы легли спать. Жизнь вернулась бы на рельсы.

Но рельсы, как выяснилось, меня больше не устраивали.

Я написала:

«Если предложение по кофе ещё в силе, я могу на полча-

са.»

Отправила.

Сразу захотелось кинуть телефон в окно.

Артём ответил почти мгновенно:

«В силе. Через двадцать минут у входа?»

Я закрыла глаза.

Вот и всё.

Я же не согласилась на измену.

Не сняла номер.

Не купила билет в другую жизнь.

Просто кофе.

Полчаса.

Без криминала.

Я написала:

«Хорошо.»

Потом открыла чат с Олей.

Не написала ей.

Закрыла.

Внутри вдруг стало тихо-тихо, как перед грозой.

Я выключила компьютер, сложила бумаги, поправила помаду в маленьком зеркальце. Помада была та самая нюдовая, «освежающая». Очень приличная. С такой помадой женщины не совершают глупостей. Максимум — подписывают допсоглашения.

Марина проходила мимо и остановилась.

— Ты куда такая?

— Домой.

— Домой у тебя в другой стороне, а глаза у тебя сейчас в сторону приключений.

— Марин.

— Что?

— Я просто выпью кофе.

Она посмотрела на меня долго.

Потом сказала:

— Конечно.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. Ты уже сама начала.

Я взяла сумку.

— Это ничего такого.

Марина даже не улыбнулась.

— Нина, запомни: если фраза «ничего такого» требует произнесения вслух, значит, такое уже стоит рядом и машет тебе рукой.

Я раздражённо застегнула пальто.

— Ты с Олей сговорилась?

— Мы обе женщины с опытом. Это похоже на сговор, но называется здравый смысл.

Я вышла из офиса слишком быстро.

На улице темнело. Мартовский воздух был влажный, холодный, с запахом бензина и мокрого асфальта. У входа курили двое сотрудников из соседнего отдела. Где-то сигналили машины. Люди спешили домой, в магазины, к детям, к

собакам, к пустым квартирам, к своим правильным и неправильным жизням.

Артём стоял у края тротуара.

В тёмном пальто. Без шапки. С телефоном в руке.

Он поднял глаза и увидел меня.

И улыбнулся так, будто я не просто вышла из офисного здания, а всё-таки выбрала его из всех возможных вариантов вечера.

У меня внутри что-то дрогнуло.

Не сердце.

Что-то ниже здравого смысла.

— Добрый вечер, Нина, — сказал он.

— Добрый.

— Спасибо, что нашли время.

— У меня полчаса.

— Тогда будем использовать их осторожно.

Я должна была ответить что-то лёгкое.

Например: «Начнём с договора».

Или: «Осторожность — хорошее качество для поставщика».

Но я только улыбнулась.

Мы пошли к кафе за углом. Рядом, почти не касаясь друг друга. Между нами было сантиметров тридцать воздуха, но я чувствовала эти тридцать сантиметров сильнее, чем иногда чувствовала Павла рядом в постели.

Артём открыл передо мной дверь.

Мелочь.

Воспитание.

Ничего такого.

В кафе пахло кофе, корицей и мокрой шерстью пальто. Было шумно, тесно, по-вечернему устало. За столиками сидели люди с ноутбуками, пары, одинокий мужчина с книгой и девушка, которая фотографировала круассан так серьёзно, будто от этого зависела его судьба.

Мы сели у окна.

— Что будете? — спросил Артём.

— Американо.

— Без сахара?

Я подняла глаза.

— Почему вы решили?

— Не знаю. Вам идёт кофе без сахара.

Я рассмеялась.

— Это самый странный комплимент в моей жизни.

— Но комплимент?

— Допустим.

Он улыбнулся официантке и заказал два кофе.

Без сахара.

Меня почему-то тронуло, что он не стал уточнять ещё раз.

Мы говорили сначала о работе. Правда говорили. О договоре, сроках, правках, юристах, штрафах. Всё было почти безопасно.

Потом Артём сказал:

— Вы сегодня какая-то напряжённая.

Я посмотрела в окно.

За стеклом мимо шли люди. У всех были свои лица, свои пакеты, свои неприятности. Никто не знал, что я сижу в кафе с чужим мужем и делаю вид, что это часть рабочего процесса.

— Я просто не очень люблю спонтанные встречи, — сказала я.

— А такие, как я?

— Какие?

— Которые случаются без плана.

Я усмехнулась.

— У меня всё по плану.

— Счастливый человек.

— Не факт.

Он не стал сразу отвечать. Просто смотрел на меня внимательно, и от этого хотелось говорить больше, чем нужно.

— План — это удобно, — сказала я. — Работа, дом, платежи, отпуск, стоматолог раз в полгода, творог на средней полке.

— Творог?

— Забудьте.

— Не смогу. Это слишком конкретно.

Я засмеялась.

И смех получился настоящий.

Не вежливый, не офисный, не «ха-ха, какая удачная шутка, Борис Михайлович». А тот, который вырывается сам и на секунду делает тебя моложе.

Артём смотрел на меня.

— Вот, — сказал он.

— Что?

— Так лучше.

— Как?

— Когда вы смеётесь.

Я замолчала.

Кофе принесли в этот момент, и это было спасением. Я взяла чашку двумя руками. Горячая керамика обожгла пальцы.

— Вы всем поставщикам говорите такие вещи? — спросила я.

— Вы не поставщик.

— Я закупщик.

— Тем более опасно.

— Почему?

— Потому что вы умеете выбирать.

Он сказал это спокойно, почти шутливо.

Но у меня от этой фразы пересохло во рту.

Вы умеете выбирать.

А я вдруг подумала: умею ли?

Когда в последний раз я что-то выбирала не потому, что надо, удобно, выгодно, правильно, по графику, по акции,

потому что Павлу так лучше, маме спокойнее, начальнику срочно, а просто потому, что я хочу?

Американо горчил.

— Вы женаты, — сказала я.

Сама не ожидала.

Артём не отвёл глаз.

— Да.

— У вас дочь.

— Да.

— Тогда зачем вы это делаете?

Вот он, шанс.

Сейчас он скажет какую-нибудь пошлость, неловко пошутит, начнёт юлить, и я разочаруюсь. Встану, уйду, напишу Оле: «Ты была права», куплю по дороге домой хлеб и вернусь в свою нормальную жизнь.

Артём долго молчал.

Потом сказал:

— Не знаю.

Плохой ответ.

Опасный.

Потому что в нём не было заготовки.

— Честно? — спросила я.

— Честно.

— Удобно.

— Нет. Не удобно. Было бы удобно не писать вам вчера.

Не ждать ответа. Не думать о том, как вы стояли в перего-

ворной и спорили с моим юристом так, будто он лично испортил вам жизнь.

Я улыбнулась, хотя не хотела.

— Он почти испортил.

— Я понял.

Он тоже улыбнулся. Потом стал серьёзнее.

— Я не собирался флиртовать с вами, Нина.

— А что вы делаете?

— Пытаюсь понять.

— Что?

— Почему мне хочется с вами говорить.

Я опустила глаза.

Внутри снова поднялась эта тёплая волна: меня видят, меня слышат, мной интересуются не потому, что нужно найти твораг или оплатить интернет. Просто мной.

Опасная вещь — внимание.

Особенно когда ты давно живёшь без него и убедила себя, что тебе не надо.

— Нам не стоит, — сказала я тихо.

— Знаю.

— Но вы всё равно написали.

— Да.

— И я всё равно пришла.

— Да.

Мы посмотрели друг на друга.

В этом «да» было больше, чем в любом признании.

Телефон в сумке завибрировал.

Я вздрогнула.

Достала.

Павел.

«Ты дома?»

Я смотрела на сообщение.

Время: 18:42.

Полчаса почти прошли.

Вот она, моя нормальная жизнь, написала мне из мессенджера короткий вопрос.

Ты дома?

Нет, Павел.

Я не дома.

Я в кафе с мужчиной, который говорит, что ему хочется со мной говорить. Я пью кофе без сахара, хотя могла бы сейчас резать салат на нашей кухне. Я сижу в тёмно-синей версии своей судьбы, даже если сегодня на мне белая рубашка.

Я написала:

«Ещё на работе. Скоро поеду.»

Отправила.

Ложь снова прошла легко.

Гладко.

Почти без звука.

Артём смотрел на меня.

— Муж? — спросил он.

Я подняла глаза.

— Да.

— Простите.

— За что?

— За то, что вам приходится врать.

Я усмехнулась.

— Вы мне не помогаете чувствовать себя приличной женщиной.

— А вы хотите?

— Очень.

— Получается?

Я посмотрела на телефон, потом на него.

— Всё хуже.

Он не улыбнулся.

И за это я была ему благодарна.

Потому что, если бы он сейчас пошутил, стало бы пошло.

А он оставил моё смущение серьёзным.

— Я не хочу вас обидеть, — сказал он.

— Обычно с этой фразы начинается что-то обидное.

— Наверное. Но я правда не хочу. И не хочу играть.

Я чуть наклонила голову.

— А что вы хотите?

Он посмотрел в окно.

— Ещё один кофе когда-нибудь.

Ответ был маленький.

Почти безопасный.

Не «вас». Не «измены». Не «романа». Не «разрушить две

семьи и посыпать пеплом московские тротуары».

Ещё один кофе.

Именно поэтому он прозвучал так опасно.

Я встала.

— Мне пора.

Артём тоже поднялся.

— Конечно.

Он не стал удерживать. Не коснулся руки. Не сказал «останьтесь». Просто взял мой стакан и свой, отнёс на стойку, вернулся за пальто.

На улице стало холоднее. Небо окончательно потемнело. Фонари отражались в лужах, как дрожащие жёлтые пятна.

Мы остановились у входа в кафе.

— Я провожу вас до метро? — спросил он.

— Не надо.

— Хорошо.

Он смотрел спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что усложнил мне жизнь.

— Нина.

— Да?

— Спасибо за кофе без криминала.

Я рассмеялась.

— Без криминала?

— Ну, почти.

Я должна была сказать: «И пусть так останется».

Но не сказала.

— До свидания, Артём.

— До свидания.

Я пошла к метро, чувствуя спиной его взгляд. Конечно, может, он вовсе не смотрел. Может, достал телефон, написал жене, проверил почту, вызвал такси. Но мне хотелось думать, что смотрел.

В метро я сразу написала Павлу:

«Еду.»

Он ответил:

«Я тоже. Возьмём что-нибудь к чаю?»

Вот нормальное сообщение нормального мужа.

К чаю.

А я только что пила кофе с мужчиной, от которого у меня дрожали пальцы.

Я написала:

«Возьми, что хочешь.»

Потом открыла чат с Олей.

«Я выпила с ним кофе.»

Она ответила не сразу.

Потом пришло:

«Я сейчас мысленно бью тебя тапком.»

«Ничего не было.»

«Фраза дня.»

«Правда.»

«Он красивый?»

Я посмотрела в тёмное окно вагона, где отражалось моё

лицо. Румяное, взволнованное, виноватое.

«Да.»

Оля прислала голосовое.

Я не включила.

Побоялась.

Дома Павел уже был на кухне. На столе лежал пакет с эклерами.

— Я купил твои любимые, — сказал он.

Я посмотрела на коробку.

Эклеры с ванильным кремом. Я действительно любила их лет пять назад. Потом как-то перестала, но Павлу не сказала. Или сказала, а он забыл. Или я сама забыла, что больше не люблю.

— Спасибо, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Чай?

— Давай.

Мы сидели за столом, ели эклеры, пили чай.

Павел рассказывал про работу.

Я слушала.

И всё было бы почти нормально, если бы в моей сумке не лежал телефон, а в телефоне — вечер, который я уже хотела перечитать.

Когда Павел пошёл мыть чашки, я достала телефон.

Сообщение от Артёма пришло десять минут назад.

«Полчаса оказались слишком короткими. Это плохой

знак?»

Я смотрела на экран.

Потом на Павла у раковины. Он стоял спиной ко мне, мыл чашки, чуть сутулясь, в домашней футболке. На шее у него темнела родинка, та самая, которую я знала двенадцать лет.

Мне стало грустно.

Очень.

Потому что Павел не заслуживал этой моей двойной жизни, даже если она пока состояла только из сообщений, кофе и лжи про работу.

Я закрыла чат.

Не ответила.

Положила телефон экраном вниз.

Павел обернулся.

— Всё нормально?

Я кивнула.

— Да.

Он улыбнулся и снова повернулся к раковине.

Я выдержала почти три минуты.

Потом взяла телефон и написала Артёму:

«Плохой. Но не самый.»

Отправила.

И в тот момент окончательно поняла: если ты говоришь себе «ничего такого» больше трёх раз в день, значит, «такое» уже сидит на твоей кухне, пьёт твой чай и ждёт, когда ты наконец перестанешь притворяться.

Глава 4. Кофе без криминала

На следующий день я решила быть взрослой.

Не просто взрослой по паспорту, где давно уже стояли цифры, от которых двадцатилетние девушки в метро уступают место не из вежливости, а из страха за будущее. Нет. Я решила быть взрослой внутренне.

Разумной.

Спокойной.

Женщиной, которая выпила кофе с женатым мужчиной, поняла всю сомнительность ситуации и сделала правильные выводы.

Вывод первый: больше никаких кофе.

Вывод второй: переписка только по работе.

Вывод третий: платье тёмно-синее пока не надевать, чтобы не провоцировать судьбу, коммерческих директоров и собственную дурь.

С этими прекрасными выводами я проснулась, потянулась к телефону и сразу открыла чат с Артёмом.

Вот так обычно и заканчивается внутренняя зрелость.

Последним было моё ночное сообщение:

«Плохой. Но не самый.»

Я перечитала его и зажмурилась.

Господи, Нина.

Что это вообще значит?

Плохой знак, но не самый. Как будто я эксперт по градации дурных предзнаменований. Где-то в моей голове, видимо, существовала таблица: «случайно улыбнулась поставщику — жёлтый уровень»; «пошла с ним на кофе — оранжевый»; «начала ждать сообщения — красный»; «сама себе врѐшь, что контролируешь ситуацию — сирена, эвакуация, спасайте документы».

Артём ответил уже утром.

«Тогда будем считать, что есть куда ухудшаться. Доброе утро.»

Я смотрела на эти слова и чувствовала, как взрослость, которую я так торжественно надела на себя пять минут назад, сползает с плеч, как плохо застѐгнутый халат.

В спальне было полутемно. Павел ещё спал. За окном светлело серым, неубедительным московским светом. Где-то на улице дворник скрѐб лопатой по асфальту с таким звуком, будто пытался снять с города верхний слой усталости.

Я написала:

«Доброе. Ухудшаться не планирую.»

Почти строго.

Он:

«Планы — вещь ненадёжная.»

Я:

«У вас такой опыт?»

Он:

«У меня дочь. С тех пор я знаю: планировать можно толь-

ко то, что всё пойдёт не по плану.»

Я остановилась.

Дочь.

Вот она снова появилась. Не абстрактная «семья», не слово «женат», которое можно временно задвинуть в дальний угол сознания, как коробку с новогодними игрушками. Дочь. Конкретный ребёнок. Маленький человек, который, вероятно, просыпался по утрам, просил кашу не с комочками, рисовал кривые сердца и говорил «папа».

Папа.

Я положила телефон на одеяло.

Внутри стало неприятно.

Не больно даже, а так, будто кто-то включил резкий свет в комнате, где я собиралась ещё немного посидеть в полумраке.

Павел пошевелился.

— Ты уже не спишь?

— Нет.

— Который час?

— Семь.

— Угу.

Пауза.

— Творог есть?

Я закрыла глаза.

Иногда мне казалось, что если наш брак когда-нибудь будут изучать археологи, они найдут на кухне окаменевший

творог и поймут о нас всё.

— Есть, — сказала я.

— Хорошо.

Он перевернулся на другой бок и ещё на минуту прова-
лился в сон.

Я снова взяла телефон.

Артём больше не писал.

И правильно.

Потому что дальше, после фразы про дочь, нормальная женщина должна была остыть. Даже не из морали, а из элементарной логики. Мужчина с дочерью — это не романтический объект, а отец. Человек, у которого есть утренники, прививки, маленькие носки на батарее и, скорее всего, жена, которая всё это организует, пока он пишет другим женщинам про плохие знаки.

Я представила девочку.

Не знаю почему — в жёлтой шапке. Смешной такой, с ушами. Она держит Артёма за руку, подпрыгивает на бордюре, а он говорит: «Осторожно, Мила».

Я не знала, как зовут его дочь. Но почему-то решила, что Мила.

И это тоже было нечестно. Давать имя чужому ребёнку, чтобы потом ещё сложнее было делать вид, что его нет.

Я встала и пошла в ванную.

В зеркале на меня смотрела женщина, которой надо было

срочно стать приличной.

— Всё, — сказала я себе тихо. — Хватит.

Женщина в зеркале выглядела неубедительно.

На работу я оделась нарочно скучно.

Серые брюки. Чёрная водолазка. Никаких «освежающих» помад, только бальзам для губ. Волосы собрала в хвост. Получилось лицо сотрудницы, которая пришла согласовывать счета, а не усложнять чужую семейную жизнь.

Павел посмотрел на меня в прихожей.

— Сегодня без совещаний?

— Почему?

— Ну ты обычно.

— Что обычно?

— Нормально выглядишь.

Я медленно повернулась.

— Паш.

Он понял, что ошибся, но ещё не понял где.

— Я в смысле ты всегда нормально выглядишь.

— Спасибо.

— Нет, я не это хотел сказать.

— А что?

Он посмотрел на часы.

— Я хотел сказать, что ты красивая.

— Уже поздно, да?

— В смысле?

— Ничего.

Я надела пальто.

Павел подошёл, помог мне с шарфом. Неловко, но старательно. Его пальцы коснулись моей шеи — тёплые, знакомые. Я почувствовала укол совести.

Вот он. Муж. Живой. Не декорация. Не фон. Не «творчество?». Он стоит передо мной, поправляет мне шарф и не знает, что я утром переписывалась с мужчиной, у которого есть дочь.

— Ты какая-то колючая, — сказал Павел.

— Прости.

— На работе что-то?

— Наверное.

Удобная фраза: «на работе что-то». Ею можно прикрыть всё — от отчёта до внутреннего распада.

Павел поцеловал меня в лоб.

— Не нервничай.

Я кивнула.

И вышла.

В метро я не открывала чат с Артёмом.

Принципиально.

Открыла только один раз — проверить, не написал ли он что-нибудь по работе.

Он не написал.

Я закрыла.

Потом открыла снова, потому что вдруг мессенджер не обновился.

Нет.

Не написал.

Я закрыла.

Через две станции открыла ещё раз.

Вот это и есть дно взрослой самодисциплины: женщина не отвечает мужчине, потому что он ей не написал.

В офисе Марина сразу всё поняла.

Она даже не спросила.

Просто посмотрела на мои серые брюки, чёрную водолазку и хвост.

— Ого, — сказала она. — Сегодня у нас траур по здравому смыслу?

— У меня рабочее настроение.

— У тебя вид женщины, которая решила стать порядочной с помощью трикотажа.

— Марина, пожалуйста.

— Всё плохо?

— Ничего не плохо.

— Понятно. Всё плохо.

Я села за стол и включила компьютер.

— Я просто решила не раздувать.

— Что?

— Ничего.

Марина улыбнулась.

— Прекрасно. Мы уже на стадии «не раздувать ничего».
Быстро идёте.

— Я выпила с ним кофе. И всё.

— И всё?

— Да.

— И ты не ждёшь, что он напишет?

— Нет.

Телефон на столе завибрировал.

Мы обе посмотрели на него.

Я быстро перевернула экран вниз.

Марина медленно подняла брови.

— Конечно не ждёшь.

— Это может быть кто угодно.

— Тогда почему ты покраснела как договор без подписи?

— Я не покраснела.

— Нина, у тебя сейчас лицо женщины, которая услышала звонок духовки, хотя обещала не есть пирог.

Я схватила телефон и посмотрела.

Павел.

«Не забудь взять таблетки, если давление.»

Я показала Марине экран.

— Видишь?

Она даже не смутилась.

— Павел спасает твою репутацию лучше, чем ты сама.

Я ответила мужу:

«Спасибо, взяла.»

Хотя таблетки, конечно, забыла.

Павел прислал:

«Хорошего дня.»

И смайлик.

Обычный жёлтый смайлик.

Я смотрела на него и почему-то чувствовала себя последней свиньёй. Муж прислал смайлик. Не палец вверх. Не «ок». Смайлик. Старался, наверное. Или случайно. Но мне хотелось верить, что старался.

Я написала:

«И тебе.»

Добавила сердечко.

Посмотрела.

Стерла.

Написала:

«И тебе :)»

Отправила.

Сердечко показалось слишком внезапным. Как если бы в старую комнату притащили хрустальную люстру: вроде красиво, но все сразу понимают, что что-то не так.

До обеда Артём не писал.

Я работала.

Точнее, я делала вид, что работаю, с такой интенсивностью, что действительно успела проверить половину договора. Юристы Артёма внесли правки. Не все, конечно. Юристы вообще такой народ: если они соглашаются полностью, где-то в мире гаснет юридическая звезда.

Я написала рабочее письмо. Сухое, профессиональное,

образцовое.

«Артём, добрый день. По пункту 4.3 необходимо вернуть формулировку нашей редакции. Также прошу уточнить ответственность за просрочку поставки»

Отправила.

Через десять минут пришёл ответ в общем чате:

«Нина, добрый день. Принято, обсудим с юристами. По пункту 4.3 вижу вашу логику».

Вижу вашу логику.

Я усмехнулась.

Ну вот. Можно же нормально. Деловое общение. Документы. Логика. Никаких платъев, плохих знаков и кофе.

Через минуту пришло личное сообщение:

«Серый цвет вам не идёт.»

Я замерла.

Потом медленно повернулась к Марине.

Она сидела через два стола и что-то считала, нахмурившись. В этот момент я почти физически ощутила, как между мной и телефоном протянулась невидимая красная лента с надписью «не трогать».

Я тронула.

«Вы меня сегодня видели?»

«Видел, как вы входили в офис. Я был у вас на ресепшене, забирал документы у курьера.»

Вот как.

Значит, он видел меня. А я его нет.

Почему от этого стало одновременно приятно и тревожно?

«И вы теперь комментируете мой гардероб?»

«Только когда он выглядит как попытка спрятаться.»

Я посмотрела на серую ткань брюк.

Вот ведь.

Он не просто заметил. Он угадал.

Или сделал вид, что угадал. Что ещё опаснее, потому что некоторым мужчинам не обязательно понимать женщину — достаточно произносить фразы так, будто понимают.

«Не знала, что серые брюки настолько красноречивы.»

«На вас — да.»

Я отложила телефон.

Встала.

Пошла к окну.

За окном был двор бизнес-центра: курящие люди, такси, курьер с жёлтым рюкзаком, мужчина, который пытался открыть зонт одной рукой и проигрывал. Нормальный день. Обычный. Ни одна сирена не выла. Никто не указывал пальцем на женщину, которая переписывается с чужим мужем.

А внутри у меня всё снова дрожало.

Я вернулась к столу.

Марина посмотрела поверх монитора.

— Он?

— Рабочее.

— Угу. Поэтому ты ушла к окну как героиня клипа девя-

ностей?

— Марин.

— Всё, молчу.

Она выдержала две секунды.

— Что написал?

— Что серый мне не идёт.

Марина присвистнула.

— Неплохо.

— Что неплохо?

— Он бьёт не в «ты красивая», а в «я вижу, что ты прячешься». Это продвинутый уровень.

— Ты сейчас звучишь как эксперт по манипуляциям.

— Я была замужем за Вадиком. У меня докторская.

Я села и закрыла личный чат.

Надо было не отвечать.

Конечно.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Я открыла и написала:

«А что мне идёт?»

Очень плохо, Нина.

Очень.

Ответ пришёл не сразу. И эти несколько минут были хуже любой немедленной реакции. Я смотрела на экран, потом на договор, потом снова на экран. Даже попыталась прочитать

пункт про неустойку, но слова расплывались.

Наконец телефон завибрировал.

«Тёмно-синий. И смех.»

Я сидела неподвижно.

Вот так, оказывается, выглядит опасность: короткая фраза в мессенджере, от которой у тебя в тридцать девять лет подгибаются внутренние колени.

Я ничего не ответила.

Не потому что была сильной.

Потому что не знала, как ответить так, чтобы не выдать всё.

После обеда Оля прислала сообщение:

«Ты жива?»

Я:

«Да.»

Оля:

«Это не ответ. Ты в дурь полезла дальше?»

Я:

«Нет.»

Оля:

«Нина.»

Я:

«Он написал, что серый цвет мне не идёт.»

Пауза.

Потом:

«Ох ты ж, гад красивый.»

Я рассмеялась вслух.

Марина подняла голову.

— Подруга?

— Да.

— Умная?

— Очень.

— Тогда слушай её.

Оля прислала ещё:

«Слушай. Это опасная фраза. Он как бы говорит: я вижу тебя настоящую, не прячься. Это не комплимент, это крючок с бантиком.»

Я написала:

«Ты всё портишь.»

Она:

«Я не порчу. Я снимаю с бантика ценник.»

Я убрала телефон.

До вечера мы с Артёмом больше не переписывались. Только один раз в общем чате он отправил уточнение по договору. Я ответила официально. Очень гордилась собой.

В шесть я собралась домой.

На улице снова шёл мокрый снег. Март вообще умеет напоминать женщине, что надежда — это преждевременно.

Павел написал:

«Я сегодня дома вовремя. Куплю рыбу?»

Я ответила:

«Купи.»

Он:

«Красную или белую?»

Я:

«Любую.»

Он:

«Это ловушка. Ты потом скажешь, что я не ту купил.»

Я улыбнулась.

Вот он, Павел. Иногда смешной. Иногда внимательный.

Иногда почти тот, в кого я влюбилась. Почему я это забывала? Почему рядом с ним всё хорошее становилось фоном, а всё недостающее — главным?

Я написала:

«Белую. И лимон.»

Он:

«Принято.»

Без пальца. Уже прогресс.

Я вышла из офиса и вдруг услышала:

— Нина.

Артём стоял у входа.

В тёмном пальто. С непокрытой головой. С тем самым спокойным лицом, которое почему-то всегда выглядело так, будто он не случайно оказался там, где оказался.

Я остановилась.

— Вы опять были рядом?

— На этот раз честно ждал вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.